Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21

Духоподъемная встреча

Еще занятый квартирным обменом, я был приглашен к первому заместителю главного редактора «Литературки» Сырокомскому Виталию Александровичу, которого попросту в газете называли Сыром, а его шефа – Чаковского – Чак. Раньше я выступал в «Литературке». В отличие от других заместителей Чака, Сырокомский выделялся благородством и стремлением улучшить жизнь страны. Да и сверху его облекли особыми доверием и ответственностью.

Он мог принимать рискованные решения поверх цензуры. На столе у него стояла «вертушка»: телефон правительственной связи, – и, как уверяли, прямой телефон к секретарю ЦК КПСС по идеологии Петру Ниловичу Демичеву. Сырокомский сказал мне, что недавно ехал вместе с Георгием Макеевичем в Чехословакию, и Георгий Макеевич посожалел, что отдельные партократы и беллетристы или, как гротесково выражается Павел Нилин, беллекстрисы травят вас по коммунистической линии. Дабы обеспечить мне защиту, Марков предложил взять меня в обозреватели «Литгазеты» со свободным приходом, с месячным вознаграждением в 150 рублей, с выдачей проблемного материала раз в полтора–два месяца.

Я выразил охоту быть обозревателем при экономическом отделе. Там я печатался, но самое отрадное – там у меня друзья журналисты-писатели исключительной порядочности и мудрости: Павел Волин, заведующий экономотделом, Виталий Моев, его заместитель. Они встретили меня духоподъемно. Волин и Моев занимались новосибирскими чудодеями. Группа инженеров и ученых создала собственную фирму. Выполняют любой творческий заказ. Очень быстро. Целесообразно. Бюрократия перекрывает им путь. Фирма-то внегосударственная.

Сыр поддерживает новосибирских кудесников, однако, попробуй преодолеть Гималаи чиновничьих инстанций в среде партийных боссов и Госплана. Уж если задробили экономическую реформу Председателя Совета министров СССР Косыгина А. Н., то этому творческому молодняку не дадут развернуться. И все же, все же, как пишет Александр Твардовский, нельзя вконец обезнадеживаться. Когда-то кто-то должен победить реакционеров от технического прогресса.

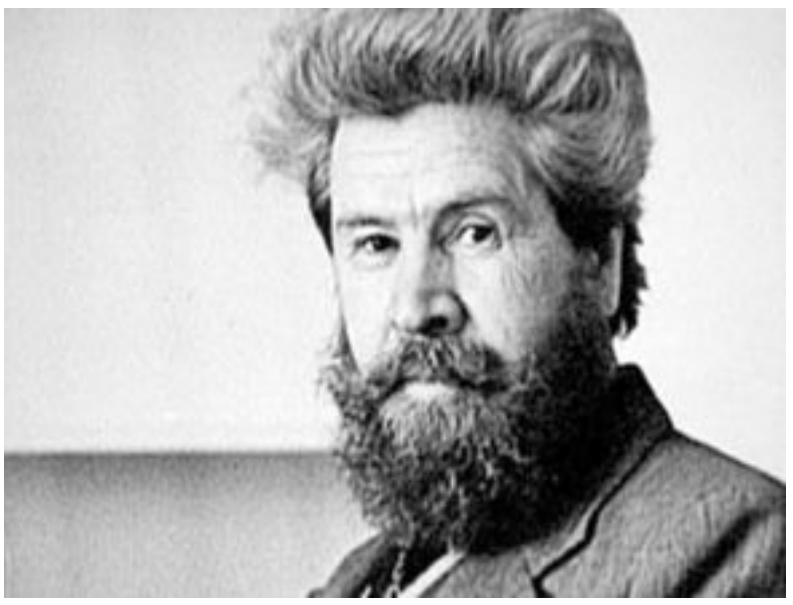
Наказующая угроза

Вспомнив о Твардовском, они преподнесли мне аппаратную новость. Заказывается Михаилу Хананновичу Синельникову статья против «Юности в Железнодольске». Чак и Евгений Кривицкий обещали Синельникову отдел литературы и искусства. И назначили руководить отделом. А потом обещали сделать членом редколлегии, если он выступит против мемуаров Ильи Эренбурга и повести Вениамина Каверина. Синельников выступил, но ему показали кукиш, и он ушел из газеты. Раньше покинул газету Игорь Золотусский. Честнейший протест: из-за ударов «Литературки» по авторам «Нового мира» и по руководству журнала, прежде всего из-за нападок на Александра Трифоновича.

Я не стал бы подряжаться в «Литературку» «на фикс», не будь в этом предложении неожиданной спасительности: перейти на партийный учет в газету. Иначе злыдни из различных калужских органов вкупе с литературными посредственностями исключат меня из КПСС, а это, кроме травли, беды непечатания, нужды, ничего не предвещает. Наказующая угроза: три года непечатания – еще в своей первой трети. А исключение увеличит вероятность этой опасности.

Я слишком благодушествовал, когда допускал, чтобы к нам в партийную ячейку внедряли отставников, и чтобы ее секретарем стал Матвей Пильник, который вроде хорошо ко мне относился, но по выражено-мельтешливому угодничеству может подвергнуться негодяйской обработке. Обретенная воля была небезрезультатна: я выверял тогда пути обмена, жил в доме творчества, общаясь с уральскими друзьями, сибиряками, москвичами: Николаем Вагнером младшим, Станиславом Мелешиным, Анатолием Соболевым, Сергеем Залыгиным (после публикации романа «Соленая падь» ветераны из новосибирских партизан собирались его угрохать), Валентином Катаевым,

Бесстрашным публицистом Борисом Можаевым (на Дальнем Востоке ему выпало исключение из Союза писателей, но отклонено секретариатом СП РСФСР благодаря влиянию фантастически мудрого Всеволода Никаноровича Иванова). Можаев наезжал на лунно-белой «Волге» в Переделкино, дабы не дать мне захмуреть ни душевно, ни духовно. Его взаимосвязь с Дальним Востоком явно не прерывалась: привозил спирт, семгу, чавычу, красную и черную икру. Занимал маленький зеленый домик на отшибе корпуса с колоннами. Рассказывал о малых народностях земли дальневосточной. Пел любимые песни: «На Муромской дорожке», «На заре ты ее не буди»... Могучий голос Можаева восходил в небо и закрывал собой леса и территории Дома творчества. С малолетства, при всяких тяготах и по их миновании, я не испытывал сколько-нибудь длительной нервной маеты. Успокоение налаживалось быстро, и возвращалась прочность, как в пору нормального здоровья. Догадываясь о том, что друга заботит мое состояние, и что он стремится укрепить меня не только по личной, внутренней потребности, но и наверняка по совету Алексея Кондратовича, а то и самого Александра Твардовского, я не выражал ему признательности: естественное добротолюбие для него было естественным для меня. Нет, я не благодушествовал, да и не расслаблялся. Сосредоточенность на возможности перебраться в столицу, каждодневные зовы вдохновения, встречи с Кондратовичем, Игорем Александровичем Сацем, Владимиром Яковлевичем Лакшиным и, пусть изредка, – с Твардовским создавали склонение для надежд и уверенности.



Борис Можаев – бесстрашный публицист

Персональное дело

Опыты моей писательской судьбы на Урале указывали на быстрое соскальзывание от грозных обстоятельств к обстоятельствам утихомиренным. Никаких чуждых осложнений для меня в Калуге не произошло, однако я не находил, что история с «Юностью в Железнодольске» целиком ушомкалось: письма перлюстрировались, телефон прослушивался, едва приезжал кто-то из московских гостей, к нашему подъезду ставили красный «бобик», внутри которого, под накидкой, происходило вращение, то есть велась запись. И все-таки я не предполагал, что кто-то в местной литературной среде закручивает хитроумную пружину подвоха.

Возвратясь в Калугу с писательского съезда в Белоруссии, я был вызван на партийное собрание

Возвратясь в Калугу с писательского съезда в Белоруссии, я был вызван на партийное собрание. В повестке значился один пункт: объяснение коммуниста Воронова Н. П. причин непосещения партийных собраний и несвоевременной уплаты членских взносов. Удивился: на собрание не приглашали, два месяца не платил, экое нарушение устава. Давно платил три процента ежемесячно, рассчитался. Да еще впрок за месяц заплатил. Предполагал, что председателем собрания изберут Сергея Васильчикова, секретарем – Надежду Усову. Так и произошло. Не получал приглашений на собрания, значит, должен был освежаться, заходить. Замитинговали и отставники, и Александр Гольдберг, и внедренный к нам на учет поэт Валентин Ермаков, живший в Обнинске, и некто Северов (псевдоним), взятый Гольдбергом себе в помощники. На лицо отрыв от партийной организации, ссумировал галдеж Сергей Васильчиков и предложил рассмотреть персональное дело Н.П. Воронова. Я запротестовал: согласно Уставу КПСС, необходимо создать комиссию, которая определила бы доказательно степень отрыва от партийной организации.

– И без комиссии ясно, крикнул обнинец Ермаков, бывший малоярославец, – вопиющий отрыв.

– Но есть партийная демократия.

Всегдашний тихоня Ермаков, постыдно поднявший голос на меня, прямо-таки вызверился: «Не с кем демократию разводить».

Не мог я не подосадовать про себя: и это неофит, которого я принимал в Союз писателей, которому выхлопотал благоустроенную квартиру в атомограде.

– Ну-ну, очнись. Я ведь тоже вызвериться могу.

Я тут же, понятно, был осужден за некритичность Васильчиковым.

И вовсе не заботясь о достаточном основании для приговора, Васильчиков ввернул: «Есть предложение вынести строгий выговор с занесением в учетную карточку».

Вынесли. Постановление направили в Калужский горком партии. Комитет партийного контроля назначил следователя: машиниста электровоза, больного сахарным диабетом. Потому ли, что страдал из-за болезни, потому ли, что его заранее настроили против меня, следователь вел «дело» с недоверием и неприязнью. От обкома партии патронировала ему секретарь по сельскому хозяйству...

Нелепая натяжка

Новым первым секретарем горкома партии избрали директора строительного треста. Он лечился в санатории. Заседание начал второй секретарь. Едва он предоставил слово следователю, вошел первый секретарь. Читал следователь по бумажке, где говорилось, что я пропустил три собрания и что, хотя не всегда платил взносы ежемесячно, у меня обнаружилась переплата по взносам. Он поддержал решение писательской партячейки, чему без промедления возмутился первый секретарь:

– Строгача за малейшую провинность?! Нет логики.

Секретарь по сельскому хозяйству склонилась к первому секретарю и что-то стала нашептывать ему на ухо. Неиспорченный партийными играми, этот крупный инженер, о нем я слыхал раньше, очень заметно краснел. Он не растерялся, но явно усовестился. Второй секретарь, заметил, что первый пришел в замешательство. И не совсем по-казенному обратился ко мне:

– А вы что скажете, товарищ Воронов?

– Нелепая натяжка. В общем-то месть.

Не хотелось мне открывать, что Сергей Васильчиков и Надежда Усова за время, покамест я руководил областной писательской организацией, не отличились творчески и что я вынужден был говорить о них в своих докладах сдержанно. При непомерном их обольщении собственным литературным даром, они раскочегаривали в себе ненависть ко мне и нагло обстряпали отмщение.

Матвей Пильник волновался: сейчас, сейчас спросят, справедливо ли обвинение Воронова его коллегами, Васильчиковым и Усовой. Пильник зачастил. Не специалист, самоучка, так, иногда вирши...если бы про авиацию, он ответил бы профессионально, досконально. Однако, он не помнит, не помнит, дабы писатели высказывались, будто ответственный секретарь занижает работу Сергея Александровича и Надежды Трофимовны.

– Отрыв от парторганизации есть у товарища Воронова? – спросил второй секретарь.

– Отрыв, не отрыв... Мимоходом заглянул бы, поинтересовался, но в прошлом не пропускал, не пропускал собрания.

– Нет достаточных оснований для строгача, – вырвалось невольно у первого секретаря.

Задание обкома рушилось. Устрашась, что на бюро ее взгреют за это, секретарь по сельскому хозяйству закричала:

– Следует поддержать выводы низовой партячейки.

– Только не строгач. Просто выговор, – упорствовал первый секретарь.

– Выговор с занесением в учетную карточку, – не унималась сельскохозяйственница.

– Голосую предложение: выговор с занесением в учетную карточку, – объявил второй секретарь.

Торопливо проголосовали. Но первый секретарь воздержался.

Травля, нельзя было не понять, продолжится. И меня наверняка исключат из КПСС.

Обозревательство оказалось спасительным для меня: в порядке исключения был оформлен на партийный учет в «Литературную газету»

Продолжение следует.

Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием. Федор ДОСТОЕВСКИЙ